

3/05/
190

Д. Х.

Исторический Журнал

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

ИЗД.
Издательство „Правда“
1941

Виктор Семенович Виргинский

кандидат исторических наук

Роберт Оуэн

(К 170-летию со дня рождения)

1

Роберт Оуэн, один из великих социалистов-утопистов, учение и общественная деятельность которых оказала огромное влияние на подготовку научного социализма, родился 14 мая 1771 года в небольшом городке Ньютауне (Северный Уэльс). Его отец, шорник и мелкий торговец скобяным товаром, выполнял также общественные должности в своем приходе.

Пяти лет Роберта отдали в местную начальную школу, где мальчик так быстро постиг нехитрую премудрость, преподаваемую детям учителем, что последний упрямил Оуэна-старшего оставить на 2 года семилетнего Роберта в школе «помощником учителя», то есть репетитором.

«...Эти два года,— пишет Оуэн в своей автобиографии,— были потеряны для меня, если не считать, что я таким образом

рано приобрел навыки обучения других тому, что знал сам»¹.

Уже в эти ранние годы Роберт Оуэн увлекался чтением всевозможных книг. Представительницы местной религиозной секты методистов пытались обратить вдумчивого и мечтательного ребенка в свою веру. Мальчик, которому было в то время лишь 10 лет, неожиданно обнаружил критические настроения. Благочестивая литература, доставляемая ему сектантами, вызвала обратное действие.

«...Чтение мною религиозных трудов в сочетании с чтением иных книг привело к тому, что я уже в 10 лет ясно почувствовал, что в основе всех религий, в том виде, как они тогда исповедовались, должно

¹ Здесь и ниже автобиография Оуэна цитируется по F. Podmore «R. Owen». London. 1923.

лежать нечто глубоко ошибочное»¹ («something fundamentally wrong»)

Многодетная семья Оуэнов находилась в таких тяжелых материальных условиях, что репетиторство мальчика в школе не спасало положения Роберту пришлось отправиться одному в Лондон, к старшему брату Уильяму, имевшему там шорную мастерскую и лавку.

Юный Роберт оказался в столице. Вскоре его нанял на работу торговец готовым платьем Мак-Геффога, содержавший магазин в провинциальном городе Стамфорде.

Деятельность провинциального приказчика, разумеется, меньше всего могла удовлетворить запросы одаренного подростка. Он получил доступ в богатую библиотеку Мак-Геффога и проводил там по несколько часов в день, изучая общественные, естественные и точные науки.

Там окончательно сложилось его отрицательное отношение ко всем существующим религиям и выработались взгляды, роднящие Оуэна с французскими просветителями-материалистами XVIII века.

Тринадцатилетний Оуэн отверг христианство, как и все другие религии. Он решил, что в основе всех их лежит абсурдная предпосылка, будто «каждый создает свои собственные свойства, определяет свои собственные мысли, стремления и действия и отвечает за них перед богом и ближними».

Оуэн же пришел к заключению, что свойства человеческого сознания определяются естественными и социальными причинами. «Я полностью дитя природы и общества, — писал он, — природа дала свойства, а общество направило их».

На место отвергнутой им религии Оуэн поставил стремление к благу человечества, «искреннее и пламенное желание делать людям добро»².

По окончании срока работы у Мак-Геффога Оуэн перешел на службу в лондонский галантерейный магазин Флинта и Памера. Юноша получал там 25 фунтов стерлингов в год, работая до полного изнеможения. В 1787 году он перешел в манчестерскую торговую фирму Саттерфильда на жалованье в 40 фунтов.

Это были годы бурной перестройки ланкаширской промышленности (Манчестер — центр графства Ланкашир). Возникали новые и новые фабричные предприятия с недавно изобретенными прядильными и ткацкими машинами. Мастер шляпных карбасов Джонс, близко познакомившийся с Оуэном, предложил ему основать мастерскую по производству прядильных машин

(мюлей) системы Кромптона. Взяв в долг у брата 100 фунтов стерлингов, Оуэн начал карьеру самостоятельного предпринимателя.

Вскоре Оуэн изъял свой пай, ушел из дела и открыл собственную прядильную мастерскую. В это время (в начале 1791 года) богатый манчестерский фабрикант бумазейной пряжи Дринкуотер дал объявление, что ищет управляющего. Оуэн, дела которого шли не особенно блестяще, решил вновь стать служащим и отправился к Дринкуотеру.

Грубый и заносчивый, как большинство новоиспеченных ланкаширских богачей, Дринкуотер встретил Оуэна словами: «Вы слишком молоды». Оуэн ответил, что такое замечание было бы уместнее пять лет назад, теперь же ему двадцать лет. Дринкуотер все же принял молодого человека на службу.

На фабрике Дринкуотера работало 500 человек (мужчин, женщин и детей). Условия их труда здесь, как и на других фабриках, были ужасны.

Оуэн со свойственной ему убежденностью настойчивостью и энергией принялся одновременно и за усовершенствование технологического процесса на фабрике и за улучшение условий труда рабочих. Он категорически воспретил жестокое и грубое обращение с рабочими и особенно с детьми, строго взыскивал с мастеров за все случаи такого обращения, хлопотал перед хозяином о повышении заработной платы, велось строительство новых жилищ для рабочих, заботился об улучшении их пищи и т. д. Результаты были поразительны. Ни на одной фабрике в Манчестере не было такого порядка и такой сознательной дисциплины, как у Дринкуотера. После полугодия деятельности Оуэна Нипте так не сократилось пьянство. Нигде работа не выполнялась с такой добросовестностью и искусством.

Поскольку Оуэн ввел в то же время важные технические усовершенствования, резко поднявшие качество пряжи, фабрикант был вынужден оценить Оуэна по заслугам и предложил ему вступить через три года компаньоном в дело, что и было оформлено договором. Но когда некий капиталист Олдуно посватался к дочери Дринкуотера, поставив своим условием вступление компаньоном в предприятие тестя, последний предложил Оуэну пересмотреть договор. Обиженный подобным отношением, Оуэн порвал договор и ушел от Дринкуотера.

В 1793 году Оуэн вместе с двумя фирмами основал «Чорлтонскую крутильную компанию» по производству тонкой крученой пряжи. Он был главным распорядителем строительства и пуска в

¹ F. Podmore «R. Owen», p. 9 London 1923.

² Там же стр. 20.

новой фабрики, а также организации на ней технологического процесса.

Оуэн ухитрялся совмещать с этой напряженной работой научную и литературную деятельность.

Взгляды и убеждения Роберта Оуэна формировались в бурные десятилетия конца XVIII века, в годы великой буржуазной революции во Франции и «менее шумного, но не менее могущественного», по выражению Энгельса, промышленного переворота в Англии. Оуэн сблизился с учеными и публицистами, членами Манчестерского унитариянского¹ колледжа и Манчестерского литературно-философского общества. К этим годам относится его знакомство с будущим знаменитым физиком и химиком, автором атомистической теории Джоном Далтоном, с изобретателем парохода Робертом Фультоном и с выдающимся медиком Персивалем.

Двадцатидвухлетний Оуэн был избран членом Литературно-философского общества и прочел там ряд докладов, например «Замечание об улучшении хлопчатобумажной промышленности», «Этюд о пользе учения», «Мысли о связи между всеобщим счастьем и прикладными техническими науками» и др.

Во время своих раз'ездов по служебным делам Оуэн в Глазго (Шотландия) познакомился с семьей богатого фабриканта Дейля. Дэвид Дейль был ханжой и лицемером. Он афишировал свою благотворительность, но на самом деле стремился потом выжать все соки из «благодетельствованных» им бедняков. При этом он являлся основателем секты «старых шотландских индепендентов» и выполнял на протяжении 40 лет по совместительству с фабричными, торговыми и биржевыми операциями функции пастора и проповедника.

Оуэн горячо полюбил дочь Дейля Каролину. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы глава шотландских индепендентов, считавший религиозную нетерпимость своей главной заслугой, так просто выдал дочь за человека, формально принадлежавшего к англиканской церкви, а по существу вообще неверующего. Но Оуэн знал, чем преодолеть сопротивление Дейля. От имени своего и своих компаньонов он купил большую фабрику Дейля в Нью-Ленарке (в живописной долине реки Клайда²) и стал управляющим этой фа-

брикой. Лишь после этого он попросил у Дейля руки Каролины. В душе старика делец взял верх над сектантом. Чтобы не выпускать фабрики из семейных рук, Дейль дал согласие на брак.

2

В первый день XIX века Роберт Оуэн вступил в должность управляющего нью-ленаркским предприятием. Эта фабрика была построена в 1784 году Дейлем вместе со знаменитым Аркрайтом, «величайшим воров чужих изобретений и самым близким субъектом». (Маркс), одним из первых организаторов крупного фабричного производства и создателей режима беспощадной эксплуатации.

На фабрике было занято 2 тысячи человек обоого пола, включая 500 детей, проданных Дейлем прихлебными работными домами и приютами. Невыносимые условия труда и быта толкали потерпевших человеческий облик рабочих на всевозможные пороки. Вечно голодные, работающие из-под палки, с ненавистью и к хозяину и к машинам, они, по словам Оуэна, были «как правило, нерадивы и очень склонны к воровству, пьянству и лжи со всеми сопутствующими пороками»³.

Но Оуэн меньше всего осуждал морально искалеченных фабричной системой людей за их недостатки. Как мы знаем, Оуэн еще в ранней юности пришел к убеждению, что человеческий характер является продуктом среды.

Развернутое изложение своих взглядов Оуэн дал позднее в «Новом взгляде на общество», или «Опыте об образовании человеческого характера» (1812—1814 годы). Отметим здесь, что в своих теоретических построениях Оуэн допускал ряд ошибок, представляя себе слишком упрощенно и механически обусловленность человеческих поступков влиянием среды, недооценивая фактор наследственности и роль субъективного момента. Его утопические взгляды о возможности мирной замены антагонистического и эксплуататорского строя строем справедливым и гармоничным в значительной мере снижали ценность его выводов о решающей роли среды. Ко взглядам Оуэна применимы следующие критические замечания Маркса:

«Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди — это продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изме-

¹ Унитарин, или антиитринитарин, — секта, отрицавшая догмат «святой троицы».

² В первые десятилетия промышленного переворота двигателями на текстильных фабриках оставались водяные колеса, а потому предприятия ставились на реках.

³ Подморе. Цит. соч., стр. 91.

няются именно людьми и что воспитателя самого надо воспитывать. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например у Роберта Оуэна)

Совпадение изменения об-
стоятельств и человеческой
деятельности может быть по-
стигнуто и рационально по-
нято только как революцион-
ная практика»¹

Но несмотря на эти теоретические неочеловечья, связанные с незрелостью английского рабочего движения тех лет, выводы Оуэна о роли среды являются большим шагом вперед в науке о законах общественного развития. Оуэн утверждал, что не несчастные представители угнетенных классов Англии, идущие на нищенство, пьянство, проституцию, воровство, ссылаемые на каторгу и направляемые на виселицу за кражу со взломом или разрушение прядильной машины, виноваты в своих преступлениях, а строй, толкающий их на это. Оуэн бросал этим вызов капиталистам, их законникам и их попам, не только свирепо карающим «преступников», но и осыпавшим их проклятиями и издевательствами. «Наше воспитание,— с негодованием писал Оуэн,— научило нас не колеблясь убивать года и издерживать миллионы на открытие и наказание преступлений и, однако, мы не продвинулись ни на шаг на истинном пути предупреждения преступлений»².

«Вы сами не лучше, вам просто незачем красть и ломать станки,—как бы говорит Оуэн надменным представителям господствующих классов — Если бы современные судьи этой страны родились и воспитывались среди бедного и развращенного населения, то вследствие своих врожденных способностей они давно бы уже стояли во главе противозаконного ремесла и в силу самого своего превосходства и искусства уже подвергались бы тюремному заключению, ссылке или смертной казни»³,—писал он.

И Оуэн развертывает борьбу за обеспечение рабочим человеческих условий существования. Он не знал путей к полному разрешению этого вопроса и вынужден был ограничиться лишь мерами, осуществимыми в рамках тогдашнего строя. Но зато он и не переоценивал своих возможностей. Маркс отмечает, что «Роберт

Роберт Оуэн.
С редкой литографии.
Британский музей.

Оуэн, отец кооперативных фабрик и кооперативных лавок.. вовсе не разделял иллюзий своих преемников насчет значения этих изолированных элементов преобразования...»⁴.

Тем не менее практические результаты его деятельности в Нью-Ленарке, его страстных исканий были значительны.

С самого начала он убедился, что благотворительность его святоши-тестя прикрывала лишь особые формы эксплуатации. Так например Дейль построил для детей, продаваемых ему в рабство приютскими Шейлоками, большой и хорошо обставленный дом. Он кормил детей и обучал их закону божью, а также грамоте и арифметике. Однако старый лицемер все расходы по содержанию и обучению детей старался переложить на них же самих. Шести-семи-восьмилетние дети должны были работать у станков круглый год по 13 часов! И когда, доведенные до полного изнурения, они возвращались в свой дом, прославленный всеми прихвостнями Дейля, то не были в состоянии держаться на ногах, а не то что изучать библию или арифметику. Но «благодетель» заставлял их повышать свой культурный уровень ночью, с тем чтобы в 6 часов утра опять погнать на работу.

¹ Приложение «Карл Маркс о Фейербахе» в брошюре Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах», стр. 54. Госполитиздат 1939 (Разрядка наша).

² Р. Оуэн «Об образовании человеческого характера», стр. 21. СПб. 1881.

³ Там же, стр. 36.

⁴ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 472. 1937.

«Многие из них,— пишет Оуэн,— сделались карликами телом и умом, другие же вышли совершенно изуродованными. Труд днем и воспитание ночью до того опротивели детям, что многие из них беспрестанно убегали». Они бежали в Эдинбург и Глазго, где мальчики пополняли кадры нищих и малолетних преступников, а девочки — ряды детской проституции, этой ужаснейшей язвы капиталистических городов.

Когда Оуэн приступил к своим реформам, он, естественно, столкнулся с недовольством и враждебностью рабочих. Они ожидали от зятя Дейля в лучшем случае новой затеи, вроде ночного обучения замученных детей, а в худшем — просто интенсификации труда. Шотландские проповедники, шлюхи Дейля в Нью-Ленарке, разжигавшие годами религиозную рознь среди рабочих, завидовали «высочке»-пришельцу и всячески поддерживали подобные настроения.

Но Оуэн не падал духом. Он начал, как и в Манчестере, с коренного улучшения бытовых условий рабочих. По его указанию были построены новые, здоровые и удобные дома. Специальная санитарная инспекция следила за чистотой в рабочем поселке. Был открыт магазин, где рабочие могли приобретать доброкачественные продукты и другие товары по дешевой цене, всякие же перекупщики и барышники получили отставку. Ряд мер был принят Оуэном по борьбе с пьянством. Обеспечив себе поддержку небольшой вначале группы инициативных и развитых рабочих, Оуэн вел среди остальных большую воспитательную работу. В частности он защищал идеи религиозной терпимости.

До прихода Оуэна в Нью-Ленарк рабочий день длился 14 часов для взрослых и 13 для детей. Среди английских фабрикантов господствовала теория (разоблаченная Марксом в «Капитале»), будто сокращение рабочего дня уничтожит всю прибыль хозяев. Поэтому, когда Оуэн сократил рабочий день сначала до 12, а с 1816 года до 10½ часов, это вызвало возмущение других фабрикантов. К классовому негодованию на «изменника» присоединилась зависть, когда фабриканты убедились, что доходы предприятия значительно повысились. Повторилась та же история, что и на манчестерской фабрике Дриакшотера.

Но особенно интересны были меры по улучшению положения детей. Оуэн запретил допускать к работе на фабрике детей до 10-летнего возраста. С 5 лет дети поступали в бесплатную школу, где их обучали чтению, письму и арифметике. При школе был организован детский сад (точнее, ясли, куда принимались дети в воз-

расте от 1 года), где дети были ограждены от вредных влияний, унаследованных их семьями от прежнего уклада жизни, и где их тщательно воспитывали и обучали.

Как в своих воспитательных учреждениях, так и на фабрике Оуэн вывел из употребления телесные наказания, действуя методами поощрения и общественного порицания. Обучение наукам сочеталось в детских садах с занятиями гимнастикой, играми, пением, экскурсиями и т. д. Значительную часть времени дети проводили на свежем воздухе.

В 1819 году один из посетителей детского сада и школы Нью-Ленарка заявил: «Дети и молодежь этой прекрасной колонии по поведению и характеру стоят выше всех их сверстников, когда-либо виденных мною».

Маркс придавал огромное значение педагогическим опытам Оуэна, видя в них зародыши воспитания детей в будущем (для нас уже осуществившемся) социалистическом обществе, «...когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей»¹.

А. И. Герцен в своих воспоминаниях о встрече с Оуэном останавливается на результатах ньюленаркского опыта. «Успех Оуэна,— пишет Герцен,— раскрывает еще одну великую историческую новость, именно ту, что бедный и подавленный работник, лишенный образования, с детства приученный к пьянству и обману, к войне с обществом, только сначала противодействует нововведениям... но как только он убеждается в том, что перемена не во вред ему, что при ней и он не забыт, он следует с покорностью, потом с доверчивой любовью.

Среда, служащая тормозом,— не тут»².

В самом деле, тогда как рабочие стали всячески поддерживать нововведения Оуэна, деятельность реформатора вызвала резкие нарекания компаньонов по предпринятию. Оуэну пришлось в конце концов порвать с ними.

Средств для единоличного ведения ньюленаркского предприятия у Оуэна не было, а потому он должен был вступить в компанию с другими капиталистами, вновь и вновь ограничивающими осуществление его широких планов. Соседние фабриканты также крайне отрицательно

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 455.

² А. И. Герцен «Былое и думы». Т. IV, стр. 357. М. 1933.

относились к действиям ньюленаркского «сумасброда».

«Когда Роберт Оуэн в самом начале второго десятилетия этого века не только теоретически выступил за необходимость ограничения рабочего дня, но и действительно ввел десятичасовой день на своей фабрике в Нью-Ленарке, этот опыт осмеивали как коммунистическую утопию, — совершенно так же, как осмеивали его «Соединение производительного труда с воспитанием детей» или вызванные им к жизни кооперативные предприятия рабочих»¹, — писал Маркс.

Не смущаясь этим, Оуэн не только продолжал свой ньюленаркский опыт, но и опубликовал его результаты в очерках «Об образовании характера». Энгельс высоко оценивал ньюленаркскую деятельность Оуэна. Он писал, подводя итоги, что Оуэн превратил Нью-Ленарк «...в образцовую колонию, в которой пьянство, полиция, уголовные суды, процессы, попечительство о бедных, благотворительность стали неизвестными явлениями. Он достиг этого единственно тем, что поставил рабочих в условия, более сообразные с человеческим достоинством, и в особенности заботился о хорошем воспитании подрастающего поколения... А когда хлопчатобумажный кризис принудил к четырехмесячной остановке работ, рабочие, оставшиеся без дела, продолжали получать полную плату. И при всем том предприятие более чем удвоило свою стоимость и вплоть до конца приносило своим собственникам богатый доход»².

Превосходные взаимоотношения между Оуэном и рабочими, высокое качество продукции, хорошая доходность предприятия — все это, наконец, привлекло внимание буржуазных, аристократических и церковных кругов. Перед лицом усиливающегося рабочего движения в стране они заинтересовались ньюленаркским опытом как возможным средством смягчения классовой борьбы. А мы знаем, что «в интересах утверждения своего господства, господствующие классы Англии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ»³.

И вот Нью-Ленарк — его рабочий поселок, школы и детские сады, кооперативные лавки — увидел в своих стенах всевозможных, в том числе высокопоставленных, посетителей, число которых доходило к 1826 году до 2 тысяч. Приезжали в Нью-Ленарк и знатные иностранцы, глав-

ным образом из любопытства. По словам самого Оуэна, Ленарк посещали «принцы Иоанн и Максимилиан Австрийские, иностранные послы, много епископов и бесчисленное количество духовенства, почти вся наша знать, образованные люди всех специальностей из разных стран и всякого рода богатые туристы — ради развлечения или любопытности»⁴.

Среди посетителей был и русский великий князь, будущий царь Николай I. В 1816 году он не только посетил ньюленаркское предприятие, но и провел вечер в доме Оуэна.

Много лет спустя Оуэн рассказывал об этом визите Герцену, все еще наивно веря, что «если б император хотел вникнуть, понять новые требования возникающего гармонического мира», то «ему легко бы сделаться одним из величайших людей».

«Улыбаясь, — пишет Герцен, — просил я моего драгомана⁵ сказать Оуэну, что я очень мало имею надежд, чтоб Николай сделался его последователем.

— А ведь он был у меня в Ленарке.

— И, верно, ничего не понял?

— Он был тогда молод и, — Оуэн засмеялся, — очень жалел, что мой старший сын такого высокого роста и не идет в военную службу. А, впрочем, он меня приглашал в Россию»⁶.

Оуэн, несомненно, питал иллюзии, что интерес высокопоставленных лиц к его деятельности окажет помощь в проведении задуманных им реформ. «Пока человек жив, не надобно в нем отчаиваться», — говорил он Герцену. Оуэн охотно рассылал экземпляры своей книги лордам, епископам, денежным тузам, принцам и королям (так, кстати, поступали и иные великие утописты, например Фурье), с готовностью вел с ними беседы.

Но постепенно Оуэн все яснее начал сознавать тщетность надежд на представителей господствующих классов. Правда, он продолжал использовать всякий случай для пропаганды своих идей в английских и заграничных правящих сферах, но не это становилось для него главным.

Частичные реформы не удовлетворяют более Оуэна. «То положение, в которое он поставил своих рабочих, далеко еще не соответствовало в его глазах человеческому достоинству. «Люди эти были моими рабами», — говорил он»⁷.

Ясно видя, что колоссальное развитие производительных сил, наступившее в ре-

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 283

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 516.

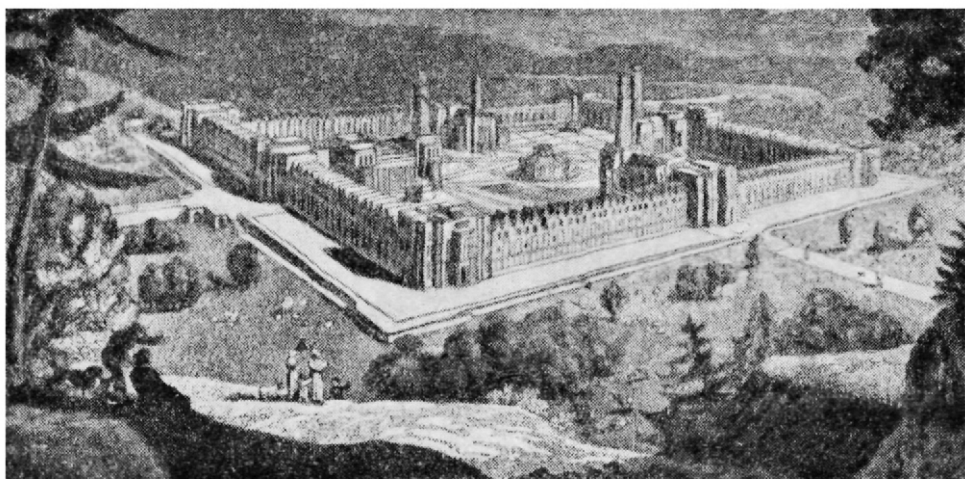
³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 612 10-е изд.

⁴ Родморс. Цит. соч., стр. 172—173.

⁵ Драгоман — переводчик.

⁶ А. И. Герцен. Цит. соч., стр. 323.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 516—517.

Проект коммуны Роберта Оуэна.

зультате промышленного переворота, пошло на пользу лишь господствующим классам, Оуэн требовал не возврата к доиндустриальным временам «доброй старой Англии», как некоторые реакционные утописты, а к широкому использованию последних достижений технико-экономического развития. «Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, представлялись Оуэну основами общественного преобразования и должны были в качестве общественной собственности служить благосостоянию всего общества»¹.

3

К 1817 году популярность Оуэна среди власти имущих достигла апогея. Считая его прославленным филантропом, пользующимся большим влиянием среди рабочих и являющимся в то же время сторонником мирных реформ, представители правящих классов слушали Оуэна весьма благосклонно и сами спрашивали его мнения. Герцог Кентский, отец королевы Виктории, и его брат, герцог Сесекский, нередко бывали у Оуэна. В 1817 году парламентский комитет для пересмотра закона о бедных и благотворительная «Ассоциация по борьбе с безработицей и нищетой» обратились к Оуэну по вопросу о методах этой борьбы.

Оуэн представил доклад, в котором изложил свои идеи. Промышленный механизм страны, заявил он, должен служить рабочему классу, а не вытеснять его из производства на улицу. Оуэн предлагал наделить безработных землей и средствами произ-

водства и организовать целую сеть производственно-потребительских коммун — «поселков единения и кооперации».

Согласно подробному описанию Оуэна, коммуны эти должны были иметь индустриально-аграрный характер. Они планировались в форме четырехугольников («параллелограммы Оуэна» сразу же явились мишенью для издевательств со стороны буржуазных журналистов и ораторов), где производственные здания размещались среди зеленых насаждений и возделываемых участков. В каждой коммуне предусматривались общественные, бытовые и культурно-просветительные здания: столовые, школы, детские сады и ясли, клубы, лектории и т. д.

Хотя Оуэн предполагал, что подобные «поселки единения и кооперации» будут возможны в системе капиталистического общества, и доказывал их рентабельность с капиталистической точки зрения, но члены «Ассоциации» и парламентского комитета поняли, что коммуны Оуэна выходят далеко за пределы буржуазного строя. Не удивительно, что план Оуэна был встречен крайне недружелюбно. Его попросту отказались рассматривать.

Тогда Оуэн опубликовал свой доклад и серию аналогичных статей в печати. В том же, 1817 году он стал выступать на митингах с пропагандой своих идей. Беспощадно критикуя современный ему частнохозяйственный строй и порожаемое этим строем невежество, Оуэн особенно нападал на религию, доказывая несовместимость религиозных предрассудков с будущим гармоническим обществом. Религия, говорил Оуэн, превратила человека в жалкое, лицемерное, фанатичное, неспоследовательное

¹ К Маркс и Ф Энгельс Соч Т XV, стр. 517.

существо. Она способна изуродовать и отравить все, к чему только прикоснется

В 1820 году Оуэн опубликовал «Доклад совету графства Ленарк о плане ликвидации общественных бедствий». Доклад представлял собой дальнейшее развитие антикапиталистических взглядов Оуэна. Причиной кризисов перепроизводства, доказывал Оуэн, является то, что рабочие не получают той доли общественного продукта, на которую имеют право. Повысив покупательную способность рабочих (вводя «вознаграждение, соответствующее труду») и заменив денежное мерило стоимости трудовым, писал Оуэн, можно уничтожить главный источник кризисов и безработицы. Мы знаем, что подобные взгляды на происхождение кризисов и безработицы неправильны, что на самом деле основной причиной кризисов является противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, проявляющееся в анархии капиталистического производства. Мы знаем также, что безработица растет при буржуазном строе вместе с возрастанием общественного богатства, что таков всеобщий, абсолютный закон капиталистического накопления.

Но при всех этих ошибках и непоследовательностях учение Оуэна было направлено против системы буржуазного производства и обращения, а потому вызвало отрицательное отношение в кругах буржуазии и аристократии, не говоря уже, разумеется, о церковниках.

Не ограничиваясь теоретическими выступлениями, Оуэн боролся за издание законов, ограждающих фабричный труд, прежде всего детский. Еще в 1815 году он разработал проект запрещения на текстильных фабриках труда детей до 10 лет, причем рабочий день подростков до 18 лет не должен был превышать $10\frac{1}{2}$ часов. Почти 5 лет сражался Оуэн за этот проект и, наконец, добился его проведения через парламент, но, к сожалению, в совершенно изуродованном виде. Первая возрастная норма была снижена до 9 лет, вторая — до 16 лет, минимальный же рабочий день определен в 12 часов. К тому же закон отнесен не ко всем, а лишь к хлопчатобумажным фабрикам.

В эти годы наступил перелом в отношении господствующих классов к Оуэну. «Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна, — писал Энгельс — Пока его деятельность была простой филантропией, она доставляла ему богатство, всеобщее одобрение, почет и славу... Но лишь только он выступил со своими коммунистическими теориями, — все изменилось. Три великих препятствия прежде всего заграждали, по его мнению, путь к

общественной реформе: частная собственность, религия и современная форма брака. Начиная борьбу с этими препятствиями, он знал, что ему предстоит стать отверженным среди официального общества и лишиться своего общественного положения. Но это ни на волос не ослабило его бесстрашного нападения, и произошло то, что он предвидел»¹.

4

В то время как Оуэн в 1818 году совершал поездку за границу, где пытался излагать свои взгляды французским академикам и европейским монархам, призывая последних дать трудящимся добровольно то, что иначе будет добыто посредством революции, компаньоны ньюленаркского предприятия вели интригу против Оуэна.

В согласии с окружающими фабрикантами они стали подкапываться под «безбожные» методы управления и воспитания в Нью-Ленарке. Были назначены шпионы (из местных попов), чтобы доносить на Оуэна, если в школах будет замечена «какая-нибудь попытка ввести что-либо, идущее вразрез с религией откровения».

Борьба продолжалась до 1824 года и окончилась торжеством ханжей и мракобесов, требовавших, как выразился Герцен, «чтобы детей не учили ни танцевать, ни светскому уению, а раскольников катехизису — непременно»². Переодовые учителя, подобранные Оуэном, увольнялись, программа учения и воспитания в школах и детских садах уродовалась в сектантском духе. Скоро вся школьная система, а затем и управление предприятием были вырваны из рук Оуэна. Хотя финансовая связь Оуэна с Нью-Ленарком продолжалась до 1828 года, но фактически он был изгнан из своего любимого дела. Такова была первая месть английской буржуазии человеку, осмелившемуся встать против собственности и религии.

Оуэн продолжал отстаивать свои идеи. Высокопоставленные «покровители» не решились сразу отвернуться от него. Напряженное политическое положение и обострение классовых борьбы в стране заставляли их некоторое время еще использовать имя Оуэна. Лишь высшее духовенство после митингов 1817 года резко порвало с «безбожником». Но в то же время кампания против него и в консервативном и в либеральном лагере все более усиливалась, а «содействие» знатных «друзей» носило все более откровенный характер саботирования всех предложений реформатора.

¹ К Маркс и Ф. Энгельс Соч Т. XV, стр. 517—518

² А. И. Герцен Цит. соч., стр. 356

«Новая Гармония» Роберта Оуэна.

В 1821 году в палате общин идеи Оуэна подвергались самым клеветническим нападениям. Придавшись к внешней форме проектируемых Оуэном сельскохозяйственно-индустриальных коммун, враги издевались над его «четыреугольным раем». «Если система г-на Оуэна дает так много счастья при столь малых затратах,— воскликнул один из членов парламента, радикал Джозеф Юм,— то принятие ее превратило бы нас в расу существ, недалеко ушедших от зверей. разве что рыскающих между четырех углов параллелограмма вместо лесных дебрей»¹. Реакционеры, как раз в эти годы обрушивавшие на рабочий класс одну репрессию за другой и предоставлявшие безработным единственное право — умирать с голоду, восставали против планов Оуэна во имя... свободы, утверждая, что режим в проектируемых Оуэном коммунах «несовместим с чувством свободной нации».

В 1822 году Оуэн отправился в Ирландию, где свирепствовал голод и население находилось в самом бедственном положении. Там он выступил с защитой своих взглядов. Протестантские попы встретили его крайне враждебно, объявив учение Оуэна «противоречащим религии откровения, безнравственным по своим тенденциям и вообще разрушительным (subversive) для существующего строя». У протестантского духовенства — передового отряда английских насильников и эксплуататоров в Ирландии — был тонкий нюх.

Напрасно основанное Оуэном филантропическое общество в Ирландии ходатайство-

вало перед парламентским комитетом о разрешении устроить опытную коммууну по системе Оуэна. Комитет не дал на это согласия.

20-е годы XIX века были для Англии периодом обострения экономических и политических противоречий в стране. Между правящими классами — землевладельческой аристократией и буржуазией — и внутри каждого из этих классов происходила борьба за власть. Буржуазные радикалы и либеральные группировки, стремившиеся к избирательной реформе и к ограничению политического, влияния землевладельцев из среды британской знати, пытались опереться на трудящихся.

Как мы увидим дальше, буржуазные политики обманули в конце концов рабочих, используя избирательную реформу исключительно в интересах своего класса, но все же в процессе совместной борьбы рабочие заставили радикалов провести в парламенте билль, отменявший запрещение рабочих коалиций (1824 год). «Рабочие получили право ассоциации, — право, принадлежавшее до тех пор только аристократии и буржуазии»². Возникают новые и новые пролетарские организации, ставящие своей задачей улучшение положения рабочих. В этих условиях «оуэнизм», как теперь стали называть учение великого утописта, приобретает все большее распространение. Еще в 1821 году печатник Джордж Мьюди и его друг Генри Гетерингтон (впоследствии участник чартистского движения) основали «Коопе-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 497.

¹ Родмоге. Цит. соч., стр. 275—276.

ративное и экономическое общество», разделявшие идеи Оуэна, и стали издавать первую оуэнистскую газету «Экономист».

В 1824 году возникло «Лондонское кооперативное общество». В следующем году начал выходить «Кооперативный журнал и ежемесячный вестник». В 1826 году образовалось «Девонское и Эксетерское кооперативное общество» и т. д. К концу десятилетия насчитывалось больше 400 таких обществ. Они организовывали потребительские, а затем и производственные кооперативы. К оуэнизму примыкали многие будущие видные деятели чартистского движения, например Уильям Ловетт, впоследствии глава «партии моральной силы».

Сам Оуэн в 1824 году направился в США. Там он купил большое имение и основал, согласно своему проекту, коммуну под названием «Новая Гармония». По приглашению Оуэна в «Новую Гармонию» приехало до 800 человек. Принимая всех желающих, Оуэн словно забыл по отношению к ним свой основной тезис о том, что человек является продуктом среды. Наряду с хорошими работниками и передовыми людьми умственного труда (среди них были выдающийся американский геолог Мэк-люр, зоолог Сой и другие) в колонию съехались также развращенные, изломанные капиталистическим строем искатели легких доходов, неудачники, авантюристы. К тому же большинство членов коммуны было во власти религиозных предрассудков, вредного действия которых Оуэн недаром всегда так боялся.

В «Новой Гармонии» начались раздоры и столкновения. Производство не налаживалось. Воспитанные в условиях, где господствовал волчий закон капитализма, и искусственно изолированные в рамках одной ячейки, за стенами которой продолжали существовать прежний строй, члены «Новой Гармонии» не оправдали надежд, возлагавшихся Оуэном на эту колонию. Дело, в которое он вложил почти все свои сбережения, обанкротилось и развалилось. Разумеется, богатые и знатные «друзья» Оуэна в Англии не оказали ему никакой поддержки.

5

В 1829 году Оуэн вернулся на родину. «Изгнанный из официального общества, замалчиваемый прессой, обедневший благодаря неудачным коммунистическим опытам в Америке, поглотившим все его состояние, он обратился прямо к рабочему классу и работал в его среде еще тридцать лет»¹, — писал Энгельс.

Всячески поддерживая крепнущее кооперативное движение, Оуэн выдвинул мысль о создании «базаров трудового обмена». На этих базарах производственные кооперативы должны были обмениваться без всяких посредников продуктами своего труда, причем мерилом ценности этих продуктов были особые трудовые бонусы (labour notes).

Как отмечает Маркс, Оуэн вовсе не придавал этим бонам самостоятельного значения: они дополняли обобществление средств производства в кооперативах. «Рабочая квитанция лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на предназначенную для потребления часть общего продукта. Но Оуэн и не думал предполагать товарное производство и в то же время стремиться устранить его необходимые условия посредством денежных фокусов»².

Как и можно было ожидать, «базары справедливого обмена», вокруг которых сразу же начали затевать свои махинации купцы и спекулянты, потерпели в конце концов неудачу.

Однако как раз в это время, в середине 30-х годов XIX века, среди рабочих, глубоко разочарованных результатами избирательной реформы 1832 года, усилилось влияние оуэнизма. Обманутые буржуазными радикалами и либералами, борьбу которых за реформу они поддерживали с такой энергией, рабочие не получили избирательных прав. Это на время (до подъема чартистского движения) оттолкнуло рабочих от политической борьбы и сделало популярными идеи Оуэна об экономической борьбе посредством профессиональных и кооперативных организаций.

С 1832 по 1834 год выходила еженедельная газета «Кризис», сделавшаяся главным органом оуэнистского движения. Ее первым редактором был сам Оуэн. В 1834 году по инициативе Оуэна возник «Великий национальный объединенный союз профессий Великобритании и Ирландии», в который вошло более полумиллиона человек. Платформа союза была крайне расплывчата. В него входили различные течения, в том числе левое крыло, настаивавшее на активной борьбе с предпринимателями, борьбе в первую очередь стачечной, вплоть до всеобщей стачки, или, как тогда выражались, «священного месяца». С середины 30-х годов XIX века начинается подъем чартизма. Это массовое рабочее движение выступает под четкими политическими лозунгами (всеобщее избирательное право, вознаграждение депутатов и т. д.) и сразу принимает боевой характер.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 518.

² К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 92.

Трудовые бонны, выпущенные последователями Роберта Оуэна.

Оуэнисты с их расплывчатой реформистской программой не могли сохранить своего влияния на массы, стремящиеся к активной борьбе за свои права. «Великий союз» оуэнистов распался на составные части, причем наиболее сознательные и решительные элементы перешли к чартистам. Но сам Оуэн остался верен своим прежним взглядам.

В 1835 году под руководством Оуэна стал выходить журнал «Новый нравственный мир». Это же заглавие было принято и для основной теоретической работы великого утописта, прозванной учениками «библией оуэнизма».

Оуэн публиковал свою «Книгу нового нравственного мира» с 1836 по 1844 год. Она распадалась на семь томов. В этом труде Оуэн придал своим философским, экономическим и политическим взглядам наиболее законченное и систематическое выражение.

В четвертой части Оуэн в следующем порядке перечисляет причины зла, господствующего в современном ему обществе:

«1. Так называемые религии всего мира.

2. Правительства всего мира любого вида и под любым названием.

3. Гражданские и военные сословия во всех странах.

4. Денежная система всех стран.

5. Практика покупки и продажи ради прибыли...

7. Нынешняя практика производства и распределения богатства...

10. Обособленные интересы и соответственное этому всеобщее разединение...

11. Практика воспитания женщин в качестве рабынь семьи, а не лучших соратников....

15. Неравенство в воспитании, использовании и жизненных условиях людей»¹ и т. д.

Даже из этого перечня видно, что Оуэн осуждал не только современный ему способ производства и распределения, но решительно все стороны капиталистической действительности: государственное и общественное устройство в любых существовавших тогда формах, буржуазную семью, порабощение женщины, религию, быт, мораль и т. д. и т. д.

Оуэн мечтал о совершенно новом обществе, но создать его думал путем постепенной и мирной переделки старого общества.

6

Итак, по классификации Оуэна, первым врагом человеческого счастья оказывалась опять поповщина, которую Оуэн клеймил вновь и вновь с непримиримостью французского просветителя XVIII века. Едва ли не с каждой страницы его работ слышишь вольтерьянский призыв «раздавим гадину». За год до выпуска первой части «Нового нравственного мира» Оуэн опубликовал специальную антиклерикальную брошюру — «Лекции о браках духовенства в старом безнравственном мире».

Не удивительно, что церковники развратили против Оуэна бешеную кампанию; «священную войну», как иногда выража-

¹ РодMORE. Цит. соч., стр. 479—480.

ются его биографы. Эта «священная война» входила как составная часть в общую борьбу реакции против рабочего движения и социализма. Вспомним, что конец 30-х годов был временем поема чартистского движения и мобилизации всех сил реакции против него.

Прежде всего в палате лордов выступил против оуэнизма епископ экстерский Генри Филлипс, прозванный памфлетистами «Филлперс», т. е. «Набей машину». Этот продажный политический интриган произносил трагические тирады о страшной опасности, которую представляет для общества оуэнистское тайное коммунистическое общество, расклевывшее сеть по всей стране, и лично Оуэн, «поносящий институт брака и христианскую религию».

Подчеркивая, что целью оуэнистов является изменение существующего строя, епископ требовал запрещения и разгона оуэнистского движения. Особенно возмущало его то, что за год до этого Оуэн получил доступ к королеве Виктории и представил ей изложение своих теорий. Признанный глава английской реакции герцог Веллингтон поддерживал требование Филлипса о производстве расследования по поводу деятельности оуэнистов.

В то же время с цепи была спущена целая свора псов во главе с неким Бриндли, паевым клеветником, шантажистом и организатором погромов. Они выступали с трибуны и в печати, изрыгая по адресу оуэнистов самую разную и самую грязную лажу (вроде того, что оуэнисты требовали «ежеквартально поводить жену» и т. д.).

Оуэн, которому шел семидесяти лет, не утратил до конца ни своих наивной доверчивости по отношению к врагам. Он согласился провести с Бриндли в Бристоле публичный диспут (в 1841 году). Церковники превратили диспут в хулиганское издевательство над стариком. Его корректные полные достоинства заявления производимые тихим голосом, заглушались громкими наглыми репликами Бриндли и сидевших в зале церковников, роли между которыми были распределены заранее. Председатель собрания был также в сговоре с ними. Наступая на Оуэна, Бриндли угрожающе допрашивал его, верит ли он в божественный характер библии. Когда Оуэн скромно ответил, что не может принять как-то слово библии за истину, Бриндли проревел, что Оуэн — неверный и безбожник, явно подстрекая присутствующих к расправе над стариком.

Если на этот раз дело ограничилось лишь оскорблениями и угрозами, то в других случаях церковникам и фабрикантам удалось организовать погромные выступления против оуэнистов. Собрания

оуэнистов в построенных ими «домах науки» (в наиме помещения оуэнистам систематически отказывали по наущению реакционеров, и поэтому оуэнисты стали строить собственные дома) то и дело срывались шапками хулиганов. Были помысли поджогов «домов науки».

Когда в 1840 году Оуэн приехал в Берслем, чтобы прочитать лекцию в местном Социальном институте, враги мобилизовали городские деклассированные элементы, щедро раздавая им водку, и под звуки барабанов собрали пьяную толпу перед дверями аудитории. Едва Оуэн вышел на сцену, как хулиганы кинулись к нему, и друзья с трудом спасли старика от расправы, спрятав его в соседнем доме. Собравшиеся же оуэнисты были избиты. Погромные выступления против оуэнистов произошли в 1841 году (по прямому призыву Бриндли) и в Бристоле вскоре после диспута с Оуэном «Социалистический дом» оуэнистов был разгромлен.

Власти явно потворствовали погромщикам. Судьи выносили приговоры не против громил и их вдохновителей, а против оуэнистов за произнесение речи «соразмерного и безнравственного характера» и за публикацию «богохульных» статей. Оуэнистов присуждали к большим штрафам и тюремному заключению. Фабриканты систематически увольняли рабочих оуэнистов.

7

Роберт Оуэн человек, с именем которого связаны, по выражению Энгельса, «все общественные движения, все действительные успехи, достигнутые рабочим классом в Англии»¹, продолжал свою деятельность несмотря на походы реакции против него и его учеников. Он попытался еще раз основать коммуны, на этот раз в самой Англии. В 1839 году оуэнистское «Рациональное общество»² приобрело в графстве Хемпшир владение Куинвух, где решило основать коммуну «Гармони-холл».

Создавая это новое образцовое поселение, Оуэн опять допустил ту же ошибку, что и прежде он отвлекся от капиталистической действительности, где царит истребление им с такой пунктуальностью 18 главных источников несправедливости и зла, не говоря о побочных моментах

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 518.

² Центральная оуэнистская организация того времени. Ее полное название в то время было «Всеобщее коммунальное общество последователей религии разума». Позднее оно получило более краткое название «Рационального общества».

«Протестантизм против социализма», или «Воскрешение добрых старых времен». Карикатура того времени на травлю Роберта Оуэна.

Он строил «Гармони-холл» так, как будто бы дело происходило в стране победившего социализма.

Оуэн начал с сооружения превосходной школы и политехникума, великолепных жилых зданий для работников коммуны, он не жалел денег на самое передовое оборудование промышленных заведений и ферм, нанимая работников недостающих профессий и т. д.

Но... вокруг оазиса «Гармони-холл» безраздельно господствовал капитализм. Вложения были произведены из средств «Рационального общества», имевшего очень ограниченные ресурсы. Капиталистические же круги меньше всего склонны были содействовать социалистическим экспериментам и лишили «Рациональное общество» кредитов. В результате не хватило оборотных средств и средств для дополнительных вложений, и «Гармони-холл» обанкротился (1845 год).

После неудачи с «Гармони-холл» Оуэн на несколько лет уехал в Америку. В это время «Рациональное общество» распалось, но зато усилились отдельные местные оуэнистские кооперативные организации. Упадок чартизма после 1842 года повысил интерес английских рабочих к кооперативному движению. Особенную известность приобрела потребительская кооперация в Рочделе (под Манчестером), осно-

ватели которой вошли в историю под названием «рождельских пионеров».

Несмотря на преклонные годы Оуэн продолжал принимать участие в политической и литературной жизни. В 1848 году он отправился во Францию, стремясь убедить левое крыло буржуазных революционеров в необходимости использования его системы общественного переустройства. Он дважды собирался выставить свою кандидатуру в английский парламент. В 1849 году Оуэн опубликовал книгу «Революция в сознании и практике человеческой расы», в 1853 году — брошюру «Будущее человеческой расы», в 1854—1855 годах — книгу «Новое существование человека на земле» и еще ряд работ. Последней была опубликована его автобиография — «Жизнь Роберта Оуэна».

В 1851 году великому утописту исполнилось 80 лет. Друзья и последователи организовали торжественное чествование человека, отдавшего всю сознательную жизнь борьбе за счастье угнетенного и эксплуатируемого народа.

Герцел, встретившийся с Оуэном год спустя, так описывает наружность своего собеседника: «В гостинице был маленький, тщедушный старичок, седой как лунь, с необычайно добродушным лицом, с чистым, светлым, кротким взглядом, — с тем голубым детским взглядом, который

остается у людей до глубокой старости, как ответ великой доброты»¹.

Когда в 1858 году престарелый Оуэн узнал о деятельности «Национальной ассоциации для содействия развитию социальных наук», он отправился в Ливерпуль на заседание этой «Ассоциации», чтобы выступить там с докладом. Но силы покинули его, и он упал в обморок в зале заседания. Пролетав две недели в Ливерпуле, Оуэн попросил, чтобы его перевезли в родной город Ньютаун. Там он и находился последние дни жизни.

Церковники не теряли до последнего момента надежды, что закоренелый «грешник» возвратится хотя бы на смертном одре в лоно церкви. Один за другим приходили священники в комнату умирающего.

«Не раскаиваетесь ли вы в том, что потратили жизнь на бесплодные усилия и невыполнимые планы?» — «вразумлял» Оуэна пазойливый поп.

«Нет, сударь,— с достоинством ответил великий друг рабочего класса,— я не даром потратил жизнь. Я возвестил миру важные истины, и если мир их не признал, то лишь потому, что он их не понял. За это я его не порицаю. Я опередил свое время»².

17 ноября 1858 года Роберт Оуэн скончался. Погребение, по желанию покойного, было обставлено просто и скромно. Старший сын, Роберт Дейль, и многочисленные друзья и приверженцы, прибывшие из

различных районов страны, провожали тело Оуэна на старое кладбище в Ньютауне.

В 1902 году рабочие кооперативные организации Англии установили на могилах плиту с барельефом, изображающим Оуэна среди пролетариев.

Роберт Оуэн твердо верил в великое будущее нашей страны. «Я жду великого от вашей роины,— говорил он за несколько лет до смерти Герцену,— у вас полетчище, у вас поны не так сильны, предрассудки не так закоснели... а сил-то. а сил-то!»³.

Надежды друга трудящихся сбылись.

В стране победившего социализма, в ее гигантских социалистических предприятиях, в ее колхозных полях, в ее системе подготовки трудовых резервов, в ее системе народного образования, в неспрестанной и повседневной заботе коммунистической партии и советского правительства о труде, отдыхе и культуре нашего народа, воплотилось лучшее и ценнейшее из того, о чем мечтали Оуэн и другие великие социалисты-утописты.

Граждане страны освобожденного труда, страны Сталинской Конституции, с уважением вспоминают имя Роберта Оуэна, более ста лет тому назад провозгласившего права трудящихся на то, что им дала лишь Великая Октябрьская революция,— имя человека, который, по выражению Герцена, приветствовал «зарю нового дня, никогда не бывалого и невозможного в прошедшем»⁴.

¹ А. И. Герцен. Цит. соч., стр. 321.

² В. Либкнехт «Роберт Оуэн», стр. 30. М. 1919

³ А. И. Герцен. Цит. соч., стр. 323.

⁴ Там же, стр. 373. (Разрядка наша).

